

АВТОРА «СЛОВА О ПОЛКУ
ИГОРЕВЕ»

Каким же представлялось автору «Слова» то единство Руси, к которому он звал своих читателей? Единство Руси мыслилось автором «Слова» не в виде прекраснородного идеала союзных, «доброрососедских» отношений всех русских князей на основе их доброй воли. Само собой разумеется, что нельзя было просто уговорить русских князей перестать враждовать между собою. Тем более, что каждый из князей был уверен, что стоит за порядок, за соблюдение прав вассалов и сюзеренов. Нужна была такая сильная центральная власть, которая могла бы скрепить единство Руси, сделать Русь мощным государством.

Автор «Слова» — сторонник сильной княжеской власти во имя обуздания произвола мелких князей, во имя единства Русской земли с центром в Киеве, возглавляемым киевским князем, рисуемым ему в чертах сильного и «грозного» властителя. Автор «Слова» настаивает при этом на строгом и безусловном выполнении феодальных обязательств по отношению к слабеющему золотому киевскому столу. Он наделяет киевского князя Святослава Всеволодовича идеальными свойствами главы русских князей: он «грозный» и «великий». На самом деле Святослав «грозным» не был: он владел только Киевом, деля свою власть с Рюриком, обладавшим остальными киевскими городами.

Не следует думать, что перед нами обычная придворная лесть. Автор «Слова» выдвигает киевского князя в первые ряды русских князей только потому, что

Киев все еще представляется ему центром Русской земли — если не реальным, то во всяком случае идеальным. Он не видит возможности нового центра Руси на северо-востоке, например во Владимире-Залесском. Киевский князь для автора «Слова» — по-прежнему глава всех русских князей. Автор «Слова» видит в строгом и безусловном выполнении феодальных обязательств по отношению к слабеющему золотому киевскому столу одно из противоядий против феодальных усобиц, одно из средств сохранения единства Руси. Слово «великий», часто употреблявшееся по отношению к главному из князей, как раз в это время перешло в титул князей владимирских: название «великого князя» присвоил себе Всеволод Большое Гнездо, претендуя на старейшинство среди всех русских князей. Слово же «грозный» и «гроза» очень часто сопутствовало до XVII в. официальному титулованию старейших русских князей, хотя само в титул и не перешло (оно стало только прозвищем, при этом подчеркивающим положительные качества сильной власти, — Ивана III и Ивана IV). Слово «гроза» для обозначения силы могущества княжеской власти часто употреблялось в XIII в.

Обращаясь с призывом к русским князьям встать на защиту Русской земли, автор «Слова» в образах разных князей рисует тот же собирательный образ сильного, могущественного князя: могучего войском (Всеволод Суздальский — «многовой»), сильного судом (Ярослав

Осмомысл — «суды рядит до Дуная»), вселяющего страх пограничным с Русью странам («ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти», — обращается он к Всеволоду; «подперъ горы угорскыи своими желъзными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота», — говорит он о Ярославе Осмомысле), распространяющего свою власть на громадную территорию с центром в Киеве («аще бы ты былъ»... на юге, — говорит он Всеволоду), славного в других странах («ту нѣмци и венецици, ту греци и морава поють славу Святъ-славлю»).

Перед нами образ князя, воплощающего собой идею сильной княжеской власти. Эта идея сильной княжеской власти, с помощью которой должно осуществляться единство Русской земли, только еще рождалась в XII в. Впоследствии такой же образ «грозного» великого князя создаст «Слово о погибели Русской земли». Он отразится в «Житии Александра Невского», в «Молении Даниила Заточника» и в других произведениях XIII в.

Очень важно, что эти новые воззрения на князей, осознание необходимости могучей и «грозной» княжеской власти были прежде всего характерны для эксплуатируемых слоев городского и отчасти сельского населения. Они по преимуществу определялись на северо-востоке Руси, во Владимиро-Суздальском княжестве, и именно здесь, на северо-востоке, в сердце эксплуатируемых классов отразились в создании новой политической терминологии, употребляемой и автором «Слова». В самом деле, начиная с 70-х годов XII в. в политической жизни входит в употребление обращение к князю «господин», применяемое и в «Слове о полку Игореве». До того термин «господин» употреблялся лишь в области владельческих отношений: так называли владельца холопов, хозяина закупов. В политической жизни термин «госпо-

дин» впервые начинает употребляться жителями владими́ро-суздальских городов. Так называют Михаила Юрьевича суздальцы и ростовцы в 1176 и 1177 гг. (см. Никоновскую летопись), так называют его же под тем же 1177 г. ростовцы (там же) и т. д. В 1180 г., по-видимому впервые, этот термин переходит в уста князей-вассалов, в их обращения к своему главе. Так именовали Всеволода Юрьевича Владимиро-Суздальского, своего феодального главу, рязанские князья Всеволод и Владимир Глебовичи. «Ты, господин, ты, отец, — говорили через послов Всеволоду рязанские князья — брат ваю старейший Роман уимае волости у наю, слушая тестя своего Святослава, а к тебе крест целовал и преступил» (Ипатьевская летопись). По-видимому, новые отношения безусловного подчинения, сложившиеся на северо-востоке между владими́ро-суздальским князем и подручными ему рязанскими князьями, потребовали для своего определения и нового термина, в котором уже было отмечено всякое «родственное смягчение» политических понятий, столь характерное для старой терминологии — «отец», «сын», «брат».

Этот новый политический термин, отразивший на северо-востоке рост власти феодального главы над стоящими ниже его по лестнице феодального подчинения князьями, начинает употребляться не только одними рязанскими князьями по отношению к Всеволоду Юрьевичу.

Всего десять лет спустя, в 1190 г., сын Ярослава Осмомысла — Владимир Галицкий — в своей просьбе к Всеволоду Суздальскому прибег к аналогичному обращению: «Отце господине! Удержи Галич подо мной, а яз божий и твой есмь со всим Галичем, а в твоей воле есмь всегда» (Ипатьевская летопись). Энергичность нового политического термина поддержана в этой просьбе необычною степенью покорности, на которую

соглашается Владимир Галицкий: «яз божий и твой».

Итак, перед нами новая политическая терминология, выросшая первоначально в «демократической» среде. Нет сомнения в том, что именно этому новому представлению о власти феодальной главы, возникшему на северо-восточной социально-экономической почве, а не старому, принадлежало будущее. Именно этим новым представлениям предстояло перерасти в дальнейшем в идею сильной и единой власти государя «всея Руси», подлинной носительницей которой стала впоследствии Москва.

Сам автор «Слова о полку Игореве» отчетливо придерживается этой новой точки зрения на власть феодальной главы, которая была прежде всего характерна для поддерживавших сильную княжескую власть горожан. В научной литературе о «Слове» на это не было обращено должного внимания. Автор «Слова» называет «господами», этим новым политическим термином, начавшим входить в политический язык XII в., Рюрика и Давыда Ростиславичей и Ярослава Осмомысла Галицкого («Вступи-та, господина, въ злата стремянъ за обиду сего времени», «Стрѣляй, господине, Кончака, поганого кощея»).

Вместе с тем автор «Слова» подчеркивает могущество русских князей, их власть над другими русскими князьями, а не их права самостоятельности. Опору единства Руси он видел во власти феодальной главы и ни словом не обмолвился о феодальных правах их подчиненных князей.

Конечно, идея сильной княжеской власти не слилась у автора «Слова» с идеей единовластия. Для этого еще не было реальной исторической почвы. Автор «Слова» видит своего могущественного великого князя действующим совместно со всеми остальными князьями, но в подчеркивании подчиняющихся линий феодальной власти нельзя не за-

метить некоторых намеков на идею единовластия киевского князя.

В XII в. сильная княжеская власть едва только начинала возникать, ей еще предстояло развиваться в будущем, однако автор «Слова» уже понял ее значение, стал на ее сторону и уловил в ней зачатки будущего.

Итак, для автора «Слова» «грозный» киевский князь — представление идеальное, а не реальное. При этом, что особенно интересно, для автора «Слова» дороги все притязания русских князей на Киев. Нет сомнений в том, что он считает Святослава, силу которого он гиперболизирует, законным киевским князем. И вместе с тем, игнорируя вотчинное право на Киев Святослава Всеволодовича, он пишет, обращаясь к Всеволоду Большое Гнездо — князю, принадлежавшему ко враждебной ольговичу Святославу монашеской линии русских князей: «Великий княже Всеволоде! Не мыслию ти прелетѣти издавеча отня злата стола поблюсти? (т. е. стол киевский!) ...Аже бы ты былъ (в Киеве!), то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ». В этом обращении к Всеволоду все неприемлемо для Святослава и все обличает в авторе «Слова» человека, занимающего свою, независимую, а отнюдь не «придворную», позицию: 1) титулование Всеволода «великим князем», 2) признание киевского стола «отним» столом Всеволода и 3) призыв прийти на юг, если только не рассматривать этот призыв как простой призыв о помощи Святославу. Каким образом может это совместиться с позицией автора как сторонника ольговичей? Суть здесь, очевидно, в том, что новая политика Всеволода — политика отчуждения от южнорусских дел — казалась автору опаснее, чем его вмешательство в борьбу за киевский стол. Всеволод, в отличие от своего отца Юрия Долгорукого, стремился утвердиться на северо-востоке, заменить гегемонию Киева гегемонией Вла-

димира Залесского, отказался от притязаний на Киев, пытаясь из своего Владимира руководить делами Руси. Автору «Слова» эта позиция Всеволода казалась не общерусской, — местной, замкнутой, а потому и опасной. /

Так же точно автору «Слова» казалась опасной слишком местная политика Ярослава Галицкого, и он подчеркивает его могущество и власть над самим Киевом: «отворяеши Киеву врата», — говорит он о Ярославле Галицком. Слова, казалось бы, не совместимые с представлениями о могуществе Святослава Киевского, невозможные в устах «придворного поэта» ольговичей, но простые и понятные для человека, страдающего за Киев как за центр Русской земли, стремящегося привлечь к нему внимание замкнувшихся в местных интересах князей.

Знание глубочайших исторических явлений, происходивших в Галицкой земле и Владимиро-Суздальской, при этом поразительно. От автора «Слова» не ускользнуло то, что стало ясным для позднейших историков. Он усмотрел опасность для единства Руси именно в том, что и владимирские, и галицкие князья перестали интересоваться Киевом как центром Руси.

Однако автор «Слова» не мог еще оторваться от представлений о Киеве как о единственном центре Руси. Да это вряд ли было бы возможно от него и требовать. Он страстный сторонник идеи единства Руси, но единство это он еще понимает в устоявшихся представлениях XII в. Он уже видит значение сильной княжеской власти, но права первого князя на Руси еще обосновывает необходимостью строгого выполнения права феодального, подчеркивая в нем подчиняющие линии, права сюзерена, а не вассала. Он уже признает силу владимиросуздальского князя, но предпочитает его видеть на юге — в Киеве.

Те же представления о Киеве как о центре Русской земли пронизывают со-

Шлем Ярослава Всеволодовича. Начало XIII в.

бой все изложение «Слова». Поразительна, например, точность выбора выражений в характеристике последствий поражения Игоря: «а вьстона бо, братие, Киевъ тугою, а Черниговъ напастями». Черниговская земля, действительно, подвергалась «напастям», реальным несчастиям, Киев же и Киевщина непосредственному разорению не подвергались; «туга» — тоска, печаль, — за всю Русскую землю распространялась здесь как в центре Руси; Киев страдает, следовательно, не собственными несчастиями, а несчастиями всей Русской земли.

Роль Киева как центра Русской земли особенно отчетливо выступает в заключительной части «Слова о полку Игореве». Согласно летописи, Игорь по возвращении из плена в Новгород Северский едет в Чернигов к Ярославу Святославичу, а затем уже из Чернигова отправляется в Киев к Святославу Все-

володовичу. «Слово о полку Игореве» не упоминает ни о его пребывании в Новгороде Северском, ни о его пребывании в Чернигове: Игорь прямо едет в Киев к богородице Пирогощей. И в этом появлении Игоря прямо в Киеве у Святослава нельзя не усмотреть тенденции автора «Слова»: Игорь — русский князь прежде всего, важно его возвращение в Киев, а не в Новгород-Северский. Славу ему поют не в Новгороде или Путивле, а всюду на Руси — до Дуная, где находились отдаленные русские поселения, отрезанные от остальной Руси половцами, ибо радость по поводу его возвращения общерусская, а не какая-либо местная. Пение этой славы достигает от Ду-

ная Киева. Его возвращение встречает отклик во всех русских сердцах, даже и тех, которые были заброшены на крайний юго-запад русского мира. Но отклик находят киевские, т. е. общерусские события, а не какие-либо местные. Это пение девиц на Дунае противостоит пению готских дев, радующихся русскому поражению. Поражение или победы русских имеют всесветный отклик.

Итак, единство Русской земли мыслится автором «Слова» с центром в Киеве. Это единство возглавляется киевским князем, рисуемым ему в чертах сильного и «грозного» князя. Политические представления автора «Слова» точно соответствуют своему времени.

